

Дипломатия-спектакль и американские закономерности

Что сказать о *дипломатии-спектакле*, которая стала визитной карточкой американского президентства и нашла яркое проявление в выступлениях Дональда Трампа в израильском Кнессете и на церемонии *Peace 2025* в Шарм-эль-Шейхе?

Это скользкая почва, поскольку она сочетает в себе новые формы *телевизионной демократии и демократии социальных сетей* и исторические черты *американизма* со структурными изменениями *атлантического упадка* и последующей динамикой мирового противостояния.

Несмотря на некоторый пессимизм, стоит вернуться к описанию, опубликованному в июле в *L'Opinion* Фредериком Шарийоном, бывшим руководителем Института стратегических исследований Военной академии и преподавателем ESSEC, высшей школы экономических наук, основанной иезуитами. По его мнению, *«времена классической дипломатии закончились»*, и это *«плохая новость для европейцев, которые в значительной степени изобрели её и, прежде всего, освятили после Венского конгресса 1814–1815 годов»*. Перед лицом *«постоянной неопределённости»*, к которой стремится Трамп, *«Европа обнажена»*, а её стратегическое измерение *«не существует или существует в недостаточной степени»* без Вашингтона, который теперь подрывает *«дипломатические практики, которые Европа считала своими главными сильными сторонами»*.

Новый подход *«противоречит европейскому ДНК»*. Во-первых, *«привычка объявлять даже самые серьёзные решения в социальных сетях или публиковать там свои настроения, независимо от того, какие последствия это может иметь на местах»*. Это далеко от Джона Фицджеральда Кеннеди, который в роковые *«тринадцать дней»* кубинского кризиса мог собрать десятки советников, чтобы *«выиграть время»* и *«коллегиально принять решение»*, как лучше ответить Никите Хрущёву. Теперь же на глазах у журналистов разворачивается практика *«постоянных извержений»*.

«Для старой, воспитанной Европы, которая тратит столько времени, сколько нужно, чтобы согласовать общую позицию, убеждённой, что консенсус придаёт ей большую легитимность, эта эволюция ужасна. Она [президентская администрация США] представляет бахвальство как более эффективное, чем дипломатический профессионализм, вспышки гнева, а не переговоры, резкие высказывания в сети X, а не компромисс. Для Трампа эффектный ход – это предварительное условие для достижения соглашения. Но общественность видит в этом доказательство слабости разумных людей».

Вторая черта – *«односторонность»*, вплоть до беззастенчивого вмешательства в политические или судебные дела других держав. Вашингтон всегда практиковал односторонние действия – вспомним *никсоновский шок* 1971 года, – но, по мнению Шарийона, цель Трампа состоит не только в том, чтобы игнорировать или обходить партнёров, но и *«тревожить их, чтобы утвердить своё лидерство, путём намеренно непредсказуемого и публично разыгрываемого запугивания»*.

Третья черта: Трамп *«доводит до крайности подчинение внешней политики внутренним условиям и целям»*. Это свойственно любой дипломатии, но Трамп *«заходит дальше»*: *«Он определяет свою международную ориентацию, исходя из электората, недоверчивого к зарубежным странам, из советников, не имеющих опыта в международных делах, и из идеологической близости с иностранными лидерами, входящими в узкий круг, вращающийся вокруг Белого дома. Чтобы вести переговоры с Америкой, нельзя больше рассуждать в терминах интересов, нужно знать, кого в Вашингтоне нужно угодить»*. Таким образом, европейцы могут стать последними, кто придерживается классической дипломатии: *«легально-рациональной, постепенной, основанной на переговорах и компромиссе»*.

Этот диагноз повторяется в интервью *Le Monde* с Кристофом Хойсеном, бывшим советником Ангелы Меркель, однако там акцент сделан на откровенно *транзакционном* характере политики Трампа, которая больше не является надёжной гарантией союзнических связей. Когда Хойсен представился Джареду Кушнеру словно дипломату старой школы, напомнив о Кеннеди времён Берлинского кризиса и о Джордже Буше – соавторе объединения Германии, – ответ зятя Трампа, ныне одного из архитекторов соглашений Авраама, был прям и обезоруживающе прост: *«Остановись, Кристоф. Мы не*

дипломаты, мы бизнесмены. А в бизнесе сегодня ты друг, а завтра враг. Так мы ведём нашу внешнюю политику».

Уолтер Рассел Мид, который в своих комментариях в *Wall Street Journal* часто помогает расшифровывать новый курс Вашингтона, предлагает взглянуть на происходящее с определённой дистанции – вне европейского недоумения. Действительно, *«рациональность не является доминирующим принципом в решениях Трампа»*, признаёт он в беседе с Мишелем Дюкло из Института Монтень. Трамп действует по *«интуиции»*, но его интуиция носит отпечаток *«коллективной культуры»*. Это *«почти архетипы»*, которые, если их распознать, позволяют лучше понять его решения, даже если они далеки от рациональности, вдохновлявшей стратегический анализ Ричарда Никсона. Опираясь на политическую историю Соединённых Штатов и их школы мысли, советует Мид, можно увидеть, что даже в *«доктрине Трампа»* присутствуют *«американские константы»*, лежащие в основе его внешней политики.

Мид ссылается на своё известное разъяснение американской политической традиции: экономического реализма *гамильтонианцев*, интернационалистического идеализма *вильсонианцев*, напористого национализма *джексонианцев* и реалистичной осторожности *джефферсоновцев*, настороженно относящихся к зарубежным обязательствам и федеральным расходам. В последние тридцать лет в американской внешней политике доминировала *«глобалистская коалиция»* гамильтонианцев и вильсонианцев – старый мир *«либерального порядка»*. Трамп, по-видимому, воспользовался восстанием против этого консенсуса, объединив национализм джексонианцев с осторожностью джефферсоновцев. Беспрецедентной чертой нового курса является то, что *«всё зависит от внутренней политики»*; Трамп, по-видимому, с *«управленческим мастерством»* лавировал в этой коалиции в зависимости от колебаний электоральной поддержки, отдав политику в отношении Израиля *джексоновскому национализму*, а в отношении Украины – *уклончивому джефферсоновскому реализму*.

Мид остаётся на поверхности идеологий и социальной психологии и менее глубоко связывает их с динамикой крупных групп и фракций капитала в Соединённых Штатах, ограничиваясь различиями интересов новых высокотехнологичных игроков Кремниевой долины по сравнению с *«традиционным капитализмом»*. Но его попытка отнести Трампа к константам *американизма* хотя бы прокладывает путь к отходу от доминирующей тенденции, заменяющей политический анализ комментированием очередному эпизоду дипломатии-спектакля.

(продолжение на стр. 2)

Октябрь 2025 г.